

В. А. АВРОРИН

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЯЗЫКАМ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА

Изучение языков так называемых малых народностей Севера приобрело в нашей стране большой размах. Исследования в этой области ведутся значительным коллективом специалистов, сосредоточенных в основном в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР и в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена. Изучаются они также отдельными специалистами в Институте национальных школ Академии педагогических наук РСФСР (Москва), Хабаровском государственном педагогическом институте, Дальневосточном и Якутском филиалах Академии наук СССР.

Отрадно отметить, что ряды квалифицированных исследователей и вузовских преподавателей по языкам народностей Севера пополняются в последние годы преимущественно представителями самих этих народностей.

Важно отметить также одну особенность, присущую исследовательской работе по языкам народностей Севера в советское время, — постоянную и самую тесную связь ее с практикой создания и развития письменности на языках народностей Севера, а также преподавания родного и русского языков в нерусских северных школах и педагогических училищах. Все исследователи одновременно являются активными участниками работы по созданию учебной и методической литературы для северных школ, во время частых экспедиционных поездок на места они постоянно знакомятся с работой северных школ и оказывают научно-методическую помощь местным учителям и отделам народного образования. Неразрывная связь с практикой, порожденная претворением в жизнь ленинской национальной политики, и послужила одной из главных причин успешного развития вширь и вглубь исследовательской работы по языкам народностей Севера.

За последние семь лет вышли из печати отдельными изданиями работы, посвященные грамматике эвенкийского языка¹, эскимосскому языку и фольклору², истории изучения палеоазиатских языков с XVIII до начала XX в.³, фонетике, грамматике и диалектам пенецкого языка⁴, фонетике и орфографии эвенкийского и нанайского языков⁵, а также ряд дву-

¹ О. А. Константинова и Е. П. Лебедева. Эвенкийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ. Учпедгиз, М.—Л., 1953.

² Е. С. Рубцова. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект), ч. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

³ И. С. Вдовин. История изучения палеоазиатских языков, Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

⁴ Н. М. Терещенко. Материалы и исследования по языку пенцев. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956.

⁵ В. А. Горцевская и В. Д. Колесникова. Основные правила правописания эвенкийского языка. Учпедгиз, Л., 1956; В. А. Аврорин. Основные правила произношения и правописания нанайского языка. Учпедгиз, Л., 1957.

язычных словарей⁶. Большое число статей по отдельным вопросам морфологии, синтаксиса, лексики, фонетики, сравнительной грамматики, диалектологии и истории языков народностей Севера было опубликовано в журнале «Вопросы языкознания», в «Трудах» и «Докладах и сообщениях» Института языкознания АН СССР, в «Ученых записках» Ленинградского университета и Педагогического института им. А. И. Герцена, в периодическом сборнике «В помощь учителю школ Крайнего Севера».

Закончены и ждут опубликования монографические исследования по фонетике и морфологии юкагирского, чукотского и нанайского языков, описания отдельных диалектов эвенского, корякского, нанайского и хантыйского языков, учебник грамматики мансийского языка, исследование, посвященное русскому влиянию на развитие словарного состава нанайского языка. Ведется детальное изучение синтаксиса ненецкого, чукотского, нанайского и эвенкийского языков, фонетики и морфологии корякского, эскимосского и нивхского языков, сравнительно-историческое исследование морфологии глагола в тунгусо-маньчжурских языках, сравнительное изучение диалектов нивхского языка, составляется монографическое описание диалекта, положенного в основу эвенкийского литературного языка, продолжается изучение диалектов эвенского, нанайского, хантыйского и корякского языков, составляются большие словари эскимосского, нанайского, эвенкийского, чукотского и ненецкого языков. Разработка значительного большинства из перечисленных выше тем осуществлена и продолжает осуществляться научными сотрудниками Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

Дать сколько-нибудь подробный анализ всех этих работ в короткой статье не представляется возможным. Здесь могут быть кратко рассмотрены лишь некоторые важные вопросы, связанные с углубленной исследовательской работой по языкам народностей Севера.

В последнее время сделаны попытки уточнить классификацию языков народностей Севера. Вполне понятно, что классификация эта важна не сама по себе, а прежде всего как отражение реально существующих, вскрытых путем сравнительно-исторического анализа генетических связей и степени близости между этими языками.

Известно, что языки народностей Севера не представляют собой генетического единства. Их объединение под одним наименованием имеет прежде всего административно-территориальный и политический смысл. Объединяет их также известная общность исторических судеб и зависящий от этого уровень их развития. В чисто лингвистическом отношении эти языки могут быть объединены в одну группу только на основании того, что все они до Великой Октябрьской революции были бесписьменными, а после революции для наиболее крупных из них (ненецкий, селькупский, хантыйский, мансийский, эвенкийский, эвенский, нанайский, чукотский, корякский, эскимосский и нивхский) была создана письменность.

С давних пор языки народностей Севера было принято делить на три группы: 1) финно-угро-самодийскую, или уральскую, 2) тунгусо-маньчжурскую и 3) палеоазиатскую. Правда, самодийские (самоедские) языки исследователями не всегда объединялись с финно-угорскими, но после специально написанных по этому вопросу работ финского ученого Э. Сетеле и советского ученого Д. В. Бубриха мнение о генетическом родстве самодийских языков с финно-угорскими, высказанное впервые Ф. Страленбергом еще в XVIII в., стало теперь как будто общепринятым.

Каждая из первых двух перечисленных выше групп языков включает в себя языки, связанные между собой бесспорным генетическим родством, чего нельзя сказать о третьей, палеоазиатской группе. Термин этот и объ-

⁶ В. И. Цинциус и Л. Д. Рибес. Русско-эвенский словарь. Изд-во иностр. и нац. словарей, М., 1952; Г. А. Меновщикова, Эскимосско-русский словарь. Учпедгиз, Л., 1954; Е. Ромбандеева. Русско-мансийский словарь. Учпедгиз, Л., 1954; Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. Учпедгиз, Л., 1955.

единение под ним ряда народностей и их языков принадлежат Л. Шренку, занимавшемуся в середине прошлого века изучением Приамурского края главным образом как естествоиспытатель. Не находя возможным отнести эти народности и их языки к какой-либо из установленных уже в то время генетических общностей, Л. Шренк, не располагавший для этого всеми необходимыми лингвистическими материалами, объединил их в одну группу и рассматривал эти народности как остатки древнейшего населения Азии. Более поздние исследования, особенно работы русских ученых В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга и В. И. Иохельсона, относящиеся к концу XIX и началу XX в., убедительно показали, что палеоазиатская группа языков не может считаться монолитной. Эти выводы были уточнены и развиты советскими языковедами, и уже к началу тридцатых годов окончательно утвердилось мнение, что так называемая «палеоазиатская группа» распадается на целый ряд не связанных между собой в генетическом отношении единиц. Такими обособленными единицами были признаны: а) чукотско-камчатская группа, включающая родственные между собой чукотский, корякский и ительменский языки, б) эскимосская группа, включающая эскимосский и алеутский языки, в) юкагирская группа, включающая юкагирский и чуванский языки⁷, г) кетский язык⁸ и д) нивхский язык.

В самое последнее время П. Я. Скорик на основании неопубликованных результатов сравнительно-исторического изучения языков чукотско-камчатской группы предложил внести в классификационную схему по этой группе некоторые уточнения. Прежде всего он считает нужным включить в состав группы на правах самостоятельного языка керекский язык⁹. По мнению П. Я. Скорика, керекский язык, который имеет много общего, прежде всего в лексике, с корякским и чукотским языками, в то же время по целому ряду существенных фонетических и морфологических признаков выделяется на обособленное место. Кроме того, П. Я. Скорик считает нужным выделить из состава корякского языка три диалекта: алюторский, карагинский и паланский, которые во многих отношениях стоят ближе к чукотскому и еще ближе к керекскому, чем к корякскому языку. Эти три диалекта он считает диалектами самостоятельного языка и присваивает этому языку наименование алюторского.

Если признать аргументацию П. Я. Скорика убедительной, а решающее слово здесь, конечно, за коллективом специалистов по тем языкам, о которых идет речь, то чукотско-камчатскую группу можно представить себе состоящей из пяти языков: чукотского, корякского, алюторского, керекского и ительменского.

В составе группы финно-угро-самодийских языков принято выделять три подгруппы: а) финскую, к которой из языков народностей Севера относится саамский язык, примыкающий в генетическом отношении к западно-финским языкам, б) самодийскую, включающую в себя ненецкий (юрако-самоедский), энецкий (енисейско-самоедский), нганасанский (тавгийско-самоедский) и селькупский (остяко-самоедский) языки, которые в составе группы ближе стоят к финской подгруппе, чем к угорской, и в) угорскую, точнее — обско-угорскую, объединяющую хантыйский и мансийский языки, обнаруживающие, особенно последний из них, близкое генетическое родство с мадьярским (венгерским) языком.

Исследования Н. И. Терешкина — первого ученого-языковеда из среды ханты — в области хантыйской диалектологии, к сожалению, еще не опубликованные, позволили по-новому взглянуть на то, что мы привыкли име-

⁷ Вопрос о том, продолжает ли существовать чуванский язык в настоящее время, остается невыясненным.

⁸ Ранее в одну родственную группу с кетским языком входили языки коттский, аринский и асанский, но уже к началу XIX в. эти три языка в результате ассимиляции прекратили свое существование, и кетский язык оказался изолированным.

⁹ Ранее этот язык включался обычно в корякский язык как один из его периферийных диалектов.

новать хантыйским языком. Н. И. Терешкин убедительно показал¹⁰, что три территориальные группы ханты — северная, южная и восточная — обладают настолько значительными языковыми различиями, что взаимопонимание между представителями этих групп почти полностью исключено. Различия эти охватывают все области языка — фонетику, лексику, морфологию и синтаксис. Это позволило Н. И. Терешкину поставить вопрос о том, что единый в прошлом хантыйский язык к настоящему времени расчленился на три близко родственных, но уже ставших самостоятельными языка.

В связи с этим классификация языков народностей Севера, относящихся к обско-угорской подгруппе, приобретает новый вид. В этой подгруппе выделяются уже не два, а четыре языка: язык северных ханты с диалектами среднеобским, казымским и обдорским; язык южных ханты с диалектами самаровским и кондинским; язык восточных ханты с диалектами сургутским, ваховским и васьюганским¹¹; мансийский язык.

Дальнейшее изучение тунгусо-маньчжурских языков и существующих между ними родственных связей позволило внести некоторые уточнения в классификацию и этой группы языков, включаемой обычно вместе с монгольскими и тюркскими языками и алтайскую языковую семью.

Еще со времени Л. Шренка тунгусо-маньчжурские народности и их языки принято делить на две подгруппы: а) южную, или маньчжурскую, и б) северную, сибирскую, или тунгусскую. Долгое время эта классификация с некоторыми вариациями в отношении состава каждой из этих двух подгрупп опиралась почти исключительно на этнографические и этнонимические данные и не имела под собой сколько-нибудь прочного лингвистического обоснования. Наиболее близкой к истине была в то время классификация, предложенная П. П. Шмидтом¹². Первая попытка найти лингвистическое обоснование для традиционной классификации в варианте П. П. Шмидта была сделана Я. П. Кошкиным¹³. Дальнейшее развитие этой классификации, не затронувшее ее принципов, принадлежит Лингвистической секции Ленинградского института народов Севера (существовал с 1930 по 1941 г.)¹⁴. Эту классификационную схему полностью заимствует в своей работе по сравнительной фонетике В. И. Цинциус¹⁵, хотя и делает при этом следующее примечание: «...деление тунгусо-маньчжурских языков на северную и южную группы нам не представляется столь принципиальным»¹⁶. В. И. Цинциус приводит общепринятое в то время распределение тунгусо-маньчжурских языков по подгруппам (включая зарубежные языки): северная подгруппа — эвенкийский, эвенский, негидальский, солонский; южная подгруппа — маньчжурский, нанайский, ульчский, орокский, удэйский, ороцкий.

Лингвистический подход при учете историко-этнографических данных

¹⁰ Н. И. Терешкин. Очередные вопросы развития литературного языка ханты. Сопевание по языкам народов Севера. Тезисы докладов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 41—43.

¹¹ Дополнительный материал по этому вопросу см.: А. Н. Баландин. О языках и диалектах ханты. Сб. «В помощь учителю школ Крайнего Севера», вып. 5, Учпедгиз, Л., 1955. В отличие от Н. И. Терешкина, А. Н. Баландин считает, что восточные ханты говорят не на трех диалектах одного языка, а на трех самостоятельных языках. В результате этого в предлагаемой им классификации оказывается не три, а пять хантыйских языков.

¹² П. Шмидт. Этнография Дальнего Востока. Сб. Vivat Academia. Владивосток, 1915, стр. 30.

¹³ Я. П. Кошкин. Кастрен — тунгусовед. Сб. «Памяти М. А. Кастрена». Изд. АН СССР, Л., 1927, примечание на стр. 123—124.

¹⁴ Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера. Учпедгиз, М.—Л., 1932, стр. 102; З. Е. Черняков. Карта распространения языков народов Севера СССР. Сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. 1, Учпедгиз, М.—Л., 1937, стр. 230—231.

¹⁵ В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Учпедгиз, Л., 1949, стр. 35.

¹⁶ Там же.

приводит к необходимости из существующих ныне тунгусо-маньчжурских языков выделить на особое место язык маньчжурский. В ряде областей лексики, в словообразовательной морфологии, а также по некоторым фонетическим особенностям он стоит ближе к северной подгруппе, особенно к солонскому и эвенкийскому языкам, тогда как в области словоизменительной морфологии и синтаксиса обнаруживает больше сходств с прочими языками, относимыми к южной подгруппе, особенно с нанайским и ульчским. Нельзя при этом не учитывать и того, что связи между тунгусо-маньчжурскими языками были значительно осложнены и затемнены позднейшим значительным влиянием маньчжурского языка на языки обеих подгрупп, прежде всего на солонский и нанайский, а в какой-то степени и на эвенкийский. Сыграли свою роль в этом отношении также и продолжающиеся вплоть до настоящего времени взаимные влияния между языками эвенкийским и негидальским, с одной стороны, и нанайским, ульчским, орокским и ороцким — с другой.

Вместе с тем маньчжурский язык обладает целым рядом особенностей, резко противопоставляющих его языкам как северной, так и южной подгрупп. Здесь прежде всего следует указать на отсутствие в маньчжурском языке системы притяжательных и лично-предикативных аффиксов, имеющих широчайшее применение и играющей весьма важную роль в грамматическом строе всех остальных тунгусо-маньчжурских языков, на наличие особой грамматической формы родительного падежа, на значительно более ограниченные возможности употребления форм множественного числа существительных, на особый прием обозначения множественности и собирательности путем употребления пар синонимов, на выражение отрицания действия и качественного признака одним и тем же морфологическим средством, на отсутствие грамматически выделенных возвратных и возвратно-притяжательных местоимений, на материальное совпадение формы повелительного наклонения с основой глагола, на полное отсутствие формального разграничения между побудительным и страдательным залогами, на значительное развитие аналитических приемов в словообразовании и словоизменении, на максимально твердый порядок слов в предложении, на наличие звуков «п» и «ш», противопоставляющихся как самостоятельные фонемы фонемам «ф» и «с». Перечень специфических особенностей маньчжурского языка, особенно если принять во внимание лексику, можно было бы без труда продолжить, но, думается, что и приведенное выше достаточно убедительно свидетельствует о серьезных, пронизывающих весь грамматический строй и фонетическую систему отличиях маньчжурского языка от всех прочих языков тунгусо-маньчжурской группы.

Это позволяет поставить вопрос о целесообразности разделения этой группы языков на три подгруппы: а) северную, объединяющую эвенкийский, эвенский, негидальский и солонский языки; б) южную, объединяющую нанайский, ульчский, орокский, ороцкий и удэйский языки; в) восточную, к которой вместе с маньчжурским языком и его своеобразным сибирским диалектом, по всей вероятности, следует отнести известный нам лишь по небольшому числу письменных памятников чжурчженский язык¹⁷. Впервые на возможность выделения маньчжурского языка в особую подгруппу указал Л. Я. Штернберг, который исходил при классификации тунгусо-маньчжурских народностей и их языков почти исключительно из данных этнографии и этнонимии¹⁸.

О. П. Суник, работа которого с изложением точки зрения по этому вопросу вскоре появится в печати, соглашается с необходимостью выделения маньчжурского и чжурчженского языков в особую подгруппу, которую он предлагает именовать подгруппой маньчжурских языков, но при этом

¹⁷ W. Grube. Die Sprache und Schrift der Jučen. Leipzig, 1896.

¹⁸ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск, 1933, стр. 6—8 (посмертное издание).

сохраняет двучленное деление всей группы. Ко второй подгруппе, именуемой им тунгусской, он относит все остальные тунгусо-маньчжурские языки, которые в свою очередь предлагает разделить на две части — на языки эвенкийские (эвенкийский, эвенский, солонский и негидальский) и языки нанайские (нанайский, ульчский, орокский, ороцкий и удэйский). Объединение эвенкийских, или северных, и нанайских, или южных, языков в одну подгруппу, противостоящую в целом маньчжурским, или восточным, языкам, представляется спорным, ибо, как это показано всей предшествующей научной литературой, в той или иной мере дающей сравнительный материал по языкам тунгусо-маньчжурской группы, различия между языками северной и южной подгрупп не менее значительны, чем различия между каждой из них и восточной (маньчжурской) подгруппой. Впрочем, справедливая оценка точки зрения О. П. Суника может быть дана только после ознакомления с конкретным лингвистическим материалом, привлекаемым для ее обоснования.

Несомненный интерес представляют исследования, посвященные влияниям между языками, как не родственными, так и родственными, в период их раздельного существования. Эти исследования помогают решать некоторые вопросы истории отдельных народов и их языков, а также общие вопросы, связанные с различными видами взаимодействия между языками.

Наибольшее внимание исследователей в этой области привлекает к себе влияние русского языка на языки народностей Севера, начавшееся вместе с массовым проникновением русского населения на Крайний Север. Это и естественно, так как влияние русского языка, особенно в годы Советской власти, было весьма значительным и прогрессивным. Сказалось оно, правда, почти исключительно на лексике, но именно в этой области оно и было особенно нужным. В связи с коренными преобразованиями в жизни народностей Севера, пришедшими к ним вместе с Советской властью, в их языках стало особенно осязаемым отсутствие многих слов и целых разделов лексики, необходимых для обозначения новых явлений жизни и новых понятий. Некоторые языки пошли при этом в значительной степени по пути образования новых слов из своего собственного материала (ненецкий, эскимосский, чукотский языки), хотя и здесь дело часто не обходилось без влияния русского языка, из которого заимствовались путем калькирования некоторые словообразовательные модели. Другие же языки (особенно эвенкийский, нанайский) шли преимущественно путем заимствования слов из русского языка. Но для всех языков народностей Севера характерно сочетание, хотя и в разных пропорциях, обоих этих путей.

Создание письменности и литературы на языках народностей Севера, начавшееся в 1930 г., значительно усилило процесс внедрения в эти языки русских лексических элементов. Русская лексика, в том числе и усвоенная русским языком интернациональная лексика, с этих пор, несомненно, становится для всех языков народностей Севера основным источником обогащения их словарных составов.

Займствуются, как правило, только знаменательные слова, а среди них в первую очередь — имена существительные, относящиеся к области терминологической лексики, затем — глаголы, имена прилагательные и в небольшом числе — наречия. Весьма ограниченное количество служебных слов — союзов и частиц — проникло из русского языка лишь в обско-угорские языки (хантыйский, мансийский), в ненецкий и в эвенкийский языки. Начало их проникновения может быть предположительно датировано для обско-угорских и ненецкого языков первой половиной, а для эвенкийского языка — второй половиной прошлого века. Заимствование служебных слов оказало известное влияние на развитие грамматического строя этих языков, так как оно давало возможность построения новых типов предложений и словосочетаний. На синтаксисе других языков народностей Севера русский язык оказал в большей или меньшей мере свое влияние и помимо заимствования служебных слов. Влияние это сказалось, как и в первом

случае, на развитии новых типов предложения (назывные предложения, сложно-подчиненные предложения, предложения с косвенной речью), в ослаблении твердого порядка слов, в расширении границ применения согласования, как способа выражения грамматической связи, и т. д. На другие разделы грамматики влияние русского языка не распространилось. Весьма слабо повлиял русский язык и на фонетические системы языков народностей Севера (с этим не следует смешивать выработку навыков произношения русских слов по нормам русской орфоэпии). Здесь влияние русского языка едва ли зашло дальше частичного расширения законов сочетаемости звуков и устранения позиционных ограничений внутри слова для сочетаний согласных.

Сказанное выше позволяет еще раз подчеркнуть, что влияние русского языка на языки народностей Севера, не составляющее, понятно, исключения из общих правил, сосредоточивается почти исключительно на словарном составе, и даже уже — на его определенных участках, но проявляется именно там, где оно действительно полезно и необходимо для дальнейшего совершенствования этих языков.

Займствование русских слов не носит характера простого перенесения их из одного языка в другой. Фонетический облик заимствуемого слова, когда он противоречит произносительным нормам заимствующего языка, в той или иной мере изменяется, приравниваясь к этим нормам. А расхождения в произносительных нормах между русским языком и любым из языков народностей Севера оказываются весьма значительными. Прежде всего не совпадает состав фонем. В языках народностей Севера отсутствуют некоторые фонемы, имеющиеся в русском языке. С другой стороны, в каждом из них имеются такие фонемы, которых нет в русском языке. Не совпадают правила сочетаемости звуков в потоке речи. Не совпадают характер и позиция ударных гласных. В результате этого заимствованные слова очень часто в значительной степени теряют внешнее сходство с соответствующими словами русского языка. Происходят замены звуков, их перестановки, перенос ударения, опущения и добавления звуков.

Впрочем, абсолютно строгих правил фонетической трансформации заимствованных слов не существует даже в пределах одного языка. Как правило, единообразное произношение заимствованных слов упрочилось лишь для старых, дореволюционных заимствований. Для заимствований же последнего времени обычно сосуществует несколько вариантов произношения, в разной степени приближающихся к русским оригиналам. Старшее поколение, слабо владеющее или вовсе не владеющее русским языком, полностью подчиняет заимствованные слова произносительным нормам родного языка. Молодое же поколение, в зависимости от степени владения русским языком, грамотности и знакомства с русской литературой, обнаруживает в той или иной мере стремление по возможности произносить заимствованные слова с максимальным приближением к русским оригиналам. В связи с этим в некоторых языках, особенно в хантыйском и мансийском, начался процесс частичного изменения фонетических норм, который, однако, почти вовсе не затрагивает произношения исконных слов этих языков.

Среди работ, посвященных вопросу о влиянии русского языка на развитие языков народностей Севера, следует отметить статью А. Н. Баландина, касающуюся обско-угорских языков¹⁹, коллективный доклад Н. М. Терещенко, В. Д. Колесниковой и Г. А. Меновщикова на совещании по языкам народов Севера, состоявшемся в Ленинграде в декабре 1952 г.²⁰,

¹⁹ А. Н. Баландин. Русские элементы в обско-угорских языках. Сб. «Опыт работы школ Крайнего Севера», вып. 1, Учпедгиз, Л., 1948, стр. 73—93.

²⁰ Н. М. Терещенко, В. Д. Колесникова, Г. А. Меновщикова. О прогрессивном влиянии русского языка на языки народностей Севера. Совещание по языкам народов Севера. Тезисы докладов. Изд. Ин-та языкознания АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 13—19.

и статью Н. М. Терещенко, касающуюся ненецкого языка²¹. Особого упоминания заслуживает успешно защищенная в 1955 г. и лишь частично опубликованная кандидатская диссертация первого ученого-языковеда из среды нанайского народа С. Н. Оненко на тему: «Развитие словарного состава нанайского языка в советскую эпоху»²².

Из других работ, посвященных межъязыковым отношениям, следует упомянуть исследование Е. А. Крейновича, посвященные связям юкагирского языка, с одной стороны, с самодийскими, а с другой, с кетско-котскими и алтайскими языками, позволяющие уточнить некоторые вопросы этногенеза и миграций юкагиров²³, его же статью о лексических и морфологических совпадениях между нивхским (гиляцким) и тунгусо-маньчжурскими, а также между нивхским и корейским языками²⁴.

Сравнительным изучением морфологии (в частности, словообразовательной) и синтаксиса эвенкийского и маньчжурского языков занимается Е. П. Лебедева²⁵.

До 1950 г. были опубликованы краткие грамматические очерки по всем языкам народностей Севера, кроме орокского и керекского²⁶. Как всякие публикации на начальных этапах исследования, эти очерки сыграли свою весьма положительную роль, но вместе с тем неизбежно страдали известными недостатками, связанными со слабой изученностью подлежащих описанию языков и ограниченностью размеров публикаций. Как правило, эти очерки ограничивались описанием морфологии, причем представляли собой чаще всего систематизированное перечисление свойственных данному языку основных морфологических элементов, расположенных по заранее составленной или заимствованной из других языков схеме частей речи.

Эти обстоятельства определили собой основные задачи, которые поставил перед собой коллектив специалистов по языкам народностей Севера Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Это в первую очередь детальное изучение грамматического строя (морфологии и синтаксиса) и фонетической системы языков крупнейших народностей Севера, изучение их диалектов, в первую очередь диалектов, положенных в основу литературных языков, сравнительно-исторические исследования групп родственных языков и диалектов, составление относительно полных словарей. Как уже было сказано выше, часть этих исследований уже закончена и ждет своего опубликования.

При составлении так называемых описательных грамматик специалисты по языкам народностей Севера, о которых здесь идет речь, стремятся исходить в классификации и определении языкового материала не из априорных схем и штампов, а из характерных особенностей изучае-

²¹ Н. М. Терещенко. О русских влияниях на ненецкий язык. «Ученые записки Лен. гос. ун-та», № 157, Л., 1958, стр. 60—83.

²² С. Н. Оненко. Развитие словарного состава нанайского языка в Советскую эпоху. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Изд. Ин-та языкознания АН СССР, Л., 1955; его же: Фонетические нормы словарных заимствований из русского языка в нанайский. Сб. «В помощь учителям школ Крайнего Севера», вып. 6, Учпедгиз, Л., 1956, стр. 100—110.

²³ Е. А. Крейнович. Об изучении юкагирского языка. Печатается в журн. «Вопросы языкознания», 1957, № 5.

²⁴ Е. А. Крейнович. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. VIII, Изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 135—167.

²⁵ Е. П. Лебедева. Простое предложение в маньчжурском языке сравнительно с эвенкийским. «Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. III, Л., 1955, стр. 162—164 (резюме доклада).

²⁶ Очерк грамматики орокского языка был написан Т. И. Петровой более десяти лет тому назад. См.: Т. И. Петрова. Грамматический очерк языка ороков. Тезисы диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Изд. ЛГУ, Л., 1946. Предполагается опубликование этой работы в ближайшее время в «Ученых записках Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена». Очерк грамматики керекского языка подготавливается к печати П. Я. Скориком.

мого языка. «Описывая» грамматический строй, они стараются вскрывать все оттенки смысловой стороны того или иного грамматического средства, его назначение, условия употребления, существующие в отношении его использования, ограничения, случаи его замены другими грамматическими средствами и т. п., т. е. стараются представить не застывший фотографический снимок, не инвентарный список грамматических средств, а, по возможности, всю сложную картину действия и взаимодействия элементов грамматики, служащих в определенных сочетаниях с элементами лексики для выражения и передачи тех или иных значений. Изучая функции элементов грамматики и их отношения между собой, они исходят из того, что грамматика есть система материальных элементов, находящихся в тех или иных отношениях между собой, и поэтому в одинаковой мере внимательно относятся как к самим этим элементам, к их материальной природе, так и к их взаимным отношениям и функциям. Такое отношение к материальной стороне языка при обязательном учете ее взаимосвязанности, задач и условий функционирования неизбежно устраняет резкую грань между так называемыми «историческими» и «описательными» приемами исследования языка, хотя и не влечет за собой их полного отождествления и смешения. Во всякой чисто «описательной» грамматике, если она не ограничивает своих задач простым перечислением ее элементов, если она не сужает своих целей до потребностей переводной машины, должны быть не только показаны, но и объяснены принципы действия различных систем грамматического изменения слов (склонения, спряжения и т. п.) со всеми отклонениями от общих правил, а объяснить все это, не изучив и не показав читателю историю образования таких систем и их элементов, не представляется возможным. Поэтому в составляемых сейчас и в составленных, но еще не опубликованных «описательных» грамматиках языков народностей Севера элемент историзма обязательно присутствует, хотя, к сожалению, еще и в недостаточном объеме, что объясняется слабой изученностью истории этих языков при полном отсутствии древнеписьменных памятников.

Исследование морфологии и фонетики чукотского языка произведено П. Я. Скориком, юкагирского — Е. А. Крейновичем, нанайского — В. А. Аврориным. Сейчас П. Я. Скорик и В. А. Аврорин продолжают изучение синтаксиса языков своей специальности. Фонетикой и морфологией корякского языка занимается А. Н. Жукова, эскимосского языка — Г. А. Меновщиков, нивхского языка — В. З. Панфилов, синтаксисом ненецкого языка — Н. М. Терешенко. Монографическое описание подкаменно-тунгусских говоров, положенных в основу эвенкийского литературного языка, составляют О. А. Константинова, В. А. Горцевская и В. Д. Колесникова. Такое же описание ольского говора, положенного в основу эвенского литературного языка, подготовлено к печати К. А. Новиковой, которая сейчас работает над описанием говоров западного наречия эвенского языка, расположенных на территории Якутской АССР. Сравнительным изучением амурского и сахалинского наречий нивхского языка занят Е. А. Крейнович. Изучение диалектов языка восточных ханты проводит Н. И. Терешкин. Монографию, посвященную сравнительно-историческому изучению морфологии глагола в тунгусо-маньчжурских языках, заканчивает О. П. Суник. Над составлением большого словаря эскимосского языка трудится Е. С. Рубцова. Материал для такого же словаря нанайского языка собирает С. Н. Оненко.

Упорным и настойчивым трудом по всестороннему изучению языков наиболее отсталых в прошлом народностей Севера специалисты по этим языкам вносят свой скромный вклад в общий фонд знаний, накопленных советской наукой к славному юбилею — сорокалетию Советской власти в нашей стране.